

Е.А. Чуйкина

Новосибирский государственный педагогический университет

Освоение нового слова: саморефлексия говорящего субъекта

Аннотация: В статье анализируются процессы вхождения/невхождения единицы в лексикон, выявляются факторы, которые оказывают влияние на включение (или, наоборот, невключение) лексической единицы в вербальную сеть языковой личности.

Ключевые слова: лексикон, лексическая единица, саморефлексия, освоение слова, процесс идентификации.

Цель настоящей статьи – рассмотреть рефлексия говорящего субъекта, осмысляющего специфику нового слова, процессы вхождения/невхождения единицы в лексикон, выявить факторы, которые оказывают влияние на включение (или, наоборот, невключение) лексической единицы в вербальную сеть языковой личности.

Освоение слова, процесс идентификации его языковой личностью изучается в психолингвистике представителями Тверской лингвистической школы, возглавляемой А.А. Залевской. В этих работах описываются способы хранения словесной информации, механизм запоминания слов и отношения слов в вербальной сети. Исследователи считают, что «вербальная сеть», организованная посредством формальных и семантических ассоциативных межсловесных связей, служит основой опосредствования запоминаемого вербального материала, составляет механизм формального (фонетического) и семантического кодирования. Механизм «вербальной сети» обеспечивает не только связывание словесных раздражителей и их фиксацию, но в своем функционировании воспроизводит эту связь, осуществляет отбор слов [Зачесова, 1985, с. 95–109].

Мы в своей работе пытаемся выявить внешние и внутренние факторы, обуславливающие выбор индивидом лексической единицы, запоминание слова, освоение вербального материала. Представляется важным определить, как работает механизм словесной памяти, отбора слов. Данные психолингвистического эксперимента не содержат информации об отношении говорящего к процессам пополнения словаря, к тем или иным языковым единицам, к возможностям и ограничениям вербальной памяти, осознание индивидом, как он встраивает или не встраивает новую лексическую единицу в вербальную сеть. Мы рассматриваем процесс вхождения слова в лексикон, пролонгированный во времени. Материалом для исследования, как нам кажется, может быть художественный текст, в котором анализируются процессы запоминания/усвоения или, напротив, вытеснения слова из лексикона языковой личности. В лексиконе языковой личности осуществляются разные динамические процессы, например: освоение нового слова, расширение семантической структуры полисеманта уже знакомого слова, доосвоение, переосмысление уже знакомого слова, вытеснение слова из лексикона, возвращение вытесненного слова.

Доминирующим процессом является включение в лексикон новой, ранее незнакомой лексической единицы. Это относится к языковой личности в любом

возрасте (мы отдаем себе отчет, что детское усвоение языка имеет свою специфику). Объект нашего исследования – взрослый индивид, узнающий новое слово и встраивающий его в свою вербальную сеть.

Данный процесс включает в себя следующие этапы: знакомство со словом, усвоение его лексического значения, освоение его грамматического значения, стилистических и прагматических особенностей, при этом можно говорить о разной степени освоения смысловых компонентов.

Освоение нового слова может быть полным и частичным (поверхностным). Полное усвоение слова предполагает, что языковая единица проходит все вышеперечисленные этапы и занимает определенное место в вербальной сети говорящего субъекта, взаимодействует с другими лексическими единицами, вступает в конкуренцию с другими единицами в процессе речи. При поверхностном усвоении слово проходит этапы усвоения лексического и грамматического значения, иногда также усваиваются его стилистические особенности, но самый важный этап – закрепление в лексиконе, установление связей с «соседями» по разным осям семантического пространства, включение в вербальную сеть, в эту сложную систему взаимодействия лексических единиц, – отсутствует. Слово не закрепляется в лексиконе и постепенно исчезает из речи индивида, так как в вербальной сети не были выстроены семантические и формальные связи. Происходит это естественным путем, без специальных усилий со стороны говорящего субъекта. Это обусловлено разными причинами: ненужностью данной лексической единицы индивиду, неактуальностью в процессе коммуникации, малоупотребительностью, влиянием языкового вкуса. Приведем пример:

1) – *Дом Джубы Чебобарго – вон тот грязно-розовый курятник! – невозмутимо заметил мой шеф.*

2) *Из безжалостно раскритикованного Джуффином жилища выскочил босой мужчина, чье крепко сбитое тело едва прикрывали жалкие остатки разорванной скабы.*

3) *В холле «розового курятника» мое неуместно хорошее настроение пошло насмарку.* (Макс Фрай. Джуба Чебобарго и другие милые люди).

Языковая личность услышала чужое, заинтересовавшее ее выражение (текст № 1), сразу же прокомментировала его (см. пример № 2), один раз повторила (пример № 3), причем сделала это буквально через несколько минут после услышанного, и, скорее всего, забыла. В дальнейшем в речи героя ни разу не встречается это выражение, нет даже отдаленно похожих оценочных конструкций. Языковая метафора *курятник*, «расцвеченная» эпитетом, – воспроизводимая единица, по этой метафорической модели образованы, например, выражения *свинарник*, *конюшня* и т.п., понятая и отмеченная говорящим субъектом, однако более не востребованная. Лексическая единица была зафиксирована поверхностными слоями памяти, но присвоения чужого выражения не произошло. Стоит отметить, что в метатексте, характеризующем языковую единицу, нет ничего такого, что обещает внедрение в словарь, нет соотношения со своими оценочными словами, нет своего толкования, нет оценки слова как интересного, пригодного. Подобное наблюдается в следующем примере:

4) *Вечером, подводя итоги длинного дня, надворный советник провел с Анисием совещание, которое назвал «оперативным разбором». Для Тюльпанова такая процедура была внове. Это уж потом, когда привык, что каждый день заканчивается «разбором», понемногу осмелел, а в первый вечер больше помалкивал, боялся сморозить глупость.*

5) – *Да, кстати. Не зовите меня «высокоблагородием», мы ведь не в армии. Достаточно будет имени-отчества, или... или называйте меня просто «шеф», оно короче и удобнее.* – Фандорин чему-то невесело улыбнулся и продолжил «разбор».

б) – *Человека, который привык всех обводить вокруг пальца, не так уж трудно провести и самого, – сказал шеф Анисию, когда они вернулись на Малую Никитскую и уединились в кабинете для «разбора».* (Б. Акунин. Особые поручения).

Анисий Тюльпанов узнает новый термин «оперативный разбор». В дальнейшем он не раз использует слово, что говорит об освоенности единицы. Говорящий субъект понимает лексическое значение слова, употребляет его в соответствующих коммуникативных ситуациях. Впоследствии он упрощает словосочетание – сокращает его, использует только существительное, без определения (возможно, это экономия языковых средств, свойственная разговорной речи). Слово маркируется в речи как чужое, на особый статус единицы в лексиконе говорящего субъекта указывают кавычки. Б.С. Шварцкопф в своих работах перечисляет разнообразные функции кавычек, в частности: «выделение слова для привлечения к нему внимания читающего», «обозначение особого отношения пишущего к слову (ирония, отрицательная оценка, приблизительность номинации и т.п.)», «оценка употребляемых пишущим языковых средств (нелитературных заимствований, стилистически маркированной лексики, обозначение чужого слова)» [Шварцкопф, 1974, с. 201–204]. Учитывая множественность интерпретаций художественного текста, можно говорить о возможности реализации в данных примерах любой из перечисленных функций. Помимо выделения при помощи кавычек чужого слова в лексиконе, автор может таким образом обращать внимание читающего на вхождение языковой единицы в лексикон, предьявлять свое понимание процессов освоения нового слова, обозначать связь героев, давать таким образом речевую характеристику персонажа. Также нельзя забывать об элементе «авторского произвола» игры со словом. Возможно, рассмотрев механизм вхождения слова в лексикон героя, автор потерял интерес к единице, в связи с чем она пропадает из речи языковой личности.

Еще один интересный процесс, связанный с поверхностным освоением лексической единицы языковой личностью, наблюдаем в следующем примере:

7) *Потом я возвращался домой. Самым странным и очаровательным временем суток, как всегда в моей жизни, оставалась ночь. Сэр Джуффин временно «охладил к своему одеялу», по его собственному выражению.*

8) *Мы уже были дома. Тут сэра Джуффина призвало его одеяло, и я остался один.* (Макс Фрай. Дебют в Ехо).

9) *Все имеет дурацкое свойство заканчиваться. Закончилась моя последняя сигарета, потом закончились и наши посиделки. Сэр Джуффин отправился «пошептаться со своим одеялом», а я – хлопотать о переезде.* (Макс Фрай. Джуба Чебобарго и другие милые люди).

Здесь шеф героя употребляет заинтересовавшее его выражение «охладеть к своему одеялу», говорящий субъект запоминает его и в ближайшее время несколько раз строит сходные конструкции (в романе проходит не более месяца). С одной стороны, поскольку речь идет об усвоении не отдельного слова, а метафорической модели (олицетворение одеяла), по которой языковая личность строит метафорическое выражение, можно говорить о высшей степени освоенности единицы. Присутствует осознание того, что у индивидуально-авторской единицы возможны коммуникативные варианты. С другой стороны, эту метафору индивид использует, только говоря о сэре Джуффине (см. примеры № 8, 9), авторе этого изречения, при этом выражение заключено в кавычки (примеры № 7, 9) – это прямое указание на чужое слово. Языковая личность постоянно помнит о том, что слово чужое. Но у этих кавычек может быть и особая авторская задача: с их помощью автор увязывает двух героев, разделенных во времени и пространстве, в тексте реализуется категория ретроспекции. Но поскольку в дальнейшем языковая личность не использует подобное выражение, мы можем предполагать, что оно так и не стало для нее «своим». В аналогичных коммуникативных ситуациях го-

ворящий субъект использует обычные выражения – «спать, отправиться в постель, закутаться в одеяло, рухнуть в постель» и т.п.

Процессы запоминания лексической единицы находятся в прямой зависимости от качества слова, которое может быть номинативным, усвоение которого необходимо для успешной коммуникации, или характеризующим, входящим в альтернативную зону языка. Единицы делятся на воспроизводимые и конструируемые в процессе речи. Они могут встраиваться в уже существующую систему языка, как в вышеприведенных примерах, или существовать обособлено, заучиваться специально, не имея прямой соотнесенности с уже имеющимися элементами вербальной сети. Последние чаще усваиваются поверхностно, используются говорящим субъектом в связи с ситуативной необходимостью.

Иногда это связано с неактуальностью слова для языковой личности: если у индивида не возникает ситуаций, в которых могло бы понадобиться определенное выражение или слово, то он перестает их использовать: лексическая единица уходит из лексикона, так и не успев в нем закрепиться. Иногда же мы можем говорить о том, что слово усвоено, но не используется. Например:

10) – *Третий день собираю по всему городу кельди, – мрачно сообщил он. – И конца этому удовольствию не видно... То есть, какой-то конец виден, но по моему это – трагический финал моей неудавшейся карьеры.*

– *Какие такие «кельди»? – удивился я. – И на кой они тебе сдались, если уж на то пошло? <...>*

– *Так что такое «кельди»? – невозмутимо переспросил я.*

– *Эльфийские деньги, горе мое. Всего лишь эльфийские деньги. <...>*

– *Но я так и не понял: в чем твоя проблема?*

– *Проблема не моя, а служебная, и состоит она в том, что на самом деле эльфийских денег не существует, – тяжело вздохнул Мелифаро. – Это чистой воды наваждение.*

11) *Собственно говоря, отсутствовали только сэр Луужфи, который предпочитает вообще не отлучаться из Большого Архива и Мелифаро – я сочувственно подумал, что парень все-таки крепко увяз в поисках какой-нибудь особо зловредной эльфийской монетки.*

12) *Через несколько минут рядом со мной затормозил амобилер, из которого выскочил совершенно лучезарный Мелифаро. За полторы секунды он успел выпалить «хороший вечер», сообщить мне, что «эти грешные кельди наконец-то остались в прошлом» и войти в дом. (Макс Фрай. Тайна клуба дубовых листьев).*

В примере (№ 10) языковая личность знакомится со словом, получает расшифровку его значения. Из примера (№ 11) видно, что лексическое значение и особенности данного явления («кельди») усвоены, но индивид избегает использовать новое слово, заменяя его оборотом «эльфийская монетка», давая при этом определение «зловредная», что говорит о его понимании специфики «кельди». Тем не менее, в тексте № 12 лексема закавычена – указание на чужое слово. Таким образом, мы можем говорить, что знакомство с языковой единицей и ее лексическим значением состоялось. Слово вряд ли пригодится говорящему субъекту, но, скорее всего, если он снова услышит слово «кельди», он поймет, о чем идет речь. Также представляется, что самостоятельно он вряд ли будет использовать эту номинацию. Подобное наблюдается в следующих примерах:

13) – *Не будь идиотом, сэр Макс, – устало вздохнул Анчифа. – Это же не что-нибудь, а буквы! Ни один нормальный человек не откажется от возможности стать обладателем нескольких фунтов лучших ташерских пряностей. А уж такой отчаянный гурман, как Кофа... К тому же в одной такой коробочке содержится целое состояние, можешь мне поверить!*

– *Да? – удивился я. – Что, эти дурацкие пряности действительно такая уж великая ценность?*

14) – Не преувеличивай, – строго сказал Анцифа. – Просто так уж тебе не повезло. Ты связался не с тем капитаном, сэр Макс.

– Я уже понял, – примирительно улыбнулся я. – Но оно и к лучшему. На кой она мне нужна, эта романтика! Вот **ташерские пряности** – это я еще понимаю...

15) – ...Скажи только честно: тебе понравилось быть пиратом?

– Так, серединка на половинку, – признался я. – Кажется, мы с вами **здорово разбогатели**, но сам процесс показался мне довольно утомительным. <...>

– А твоё «здорово разбогатели» – что это значит в переводе на «поцупать»?

– Мы с вами стали обладателями восьми шкатулок с **ташерскими специями** – забыл, как они называются! **Букики, или бубики...**

– Может быть, **букиви**? – заинтересовался Кофа.

– Да, точно. И я собираюсь честно разделить **наше богатство** пополам. Наш капитан утверждает, что это очень круто...

16) Я терялся в догадках, что именно сделало его счастливым: обладание несколькими шкатулками **ташерских пряностей**, или способность видеть сны, внезапно обретенная по моей милости?..

17) – Ладно, пошли зов Анцифе, скажи ему, что мы доберемся без его лоханки! – хмуро буркнул он. – Только пусть присматривает за нашим богатством: я уже привык к мысли, что являюсь счастливым владельцем четырех шкатулок **букиви**, а в моем возрасте разочарования даются не так легко, как в юности... (Макс Фрай. Сладкие грезы Гравви).

Языковая личность знакомится с новым словом – названием пряностей «букиви». На первом этапе, он усваивает основное – запоминает, что это пряности, их происхождение (из Ташера), стоимость. Само же слово он запоминает приблизительно (как видим из текста № 15), в дальнейшем в разговоре предпочитает не использовать слово «букиви», а заменять его описательными оборотами «ташерские пряности», «ташерские специи», «наше богатство» (см. контексты № 13, 14, 15, 16). При этом когда при Максе употребляют это слово, он понимает о чем идет речь (например, текст № 16), способен вспомнить точное звучание (например, текст № 15) и т.п.

Таким образом, можно говорить о различных факторах, влияющих на усвоение и закрепление языковой единицы в лексиконе говорящего субъекта.

Во-первых, играет важную роль отсутствие внутренней потребности языковой личности: слово может быть не нужно индивиду, он запоминает его, но не использует и, как следствие, забывает. Во-вторых, существует «конкуренция» новой лексической единицы и старой, давно освоенной. При избавлении от слова говорящий субъект целенаправленно работает над своей речью, контролирует употребление определенной лексемы. Со временем контроль ослабевает, и если отношение индивида к слову стало менее критичным, языковая единица возвращается и вновь используется, а новая может или остаться в качестве синонима, или уйти из лексикона. Большую роль в освоении слова играют внешняя поддержка процесса, влияние социальной среды, других участников коммуникативного акта.

Литература

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2000.

Зачесова И.А. О структуре словесной памяти // Психологические и психофизиологические исследования речи. М., 1985.

Шварцкопф Б.С. О факультативных случаях употребления кавычек // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.